

КОНСТАНТИН ЕМЕЛЬЯНОВ: МОЙ ПУТЬ — БЕЗ РЕЗКИХ ВЗЛЕТОВ

Еще свежа в памяти конкурсная лихорадка минувшего лета, когда музыкальное сообщество следило за перипетиями XVI Международного конкурса имени П. И. Чайковского. Наверное, главное его назначение — рождать новых кумиров, «открывать глаза» на артистов, которые и до этого существовали рядом с нами, прекрасно играли, но их как бы не замечали, не готовы были оценить. Но вот конкурс высвечивает их достоинства и недостатки, и в один день молодой пианист может обрести всенародную любовь и известность, которую в другом случае ему пришлось бы завоевывать годами. Так получилось с Константином Емельяновым. Пианист, выпускник Московской консерватории, он в 2018 году стал победителем III Всероссийского музыкального конкурса, а до этого еще завоевывал лауреатские звания разного веса на международных конкурсах в Киеве, памяти В. Горовица (2012), в Вероне (2017), на конкурсе пианистов Симфонического оркестра города Сучжоу в Китае (2017), в Верчелле (конкурс имени Дж. Б. Виотти, 2017).

Однако именно конкурс раскрыл очевидные артистические достоинства этого молодого человека, окружил романтическим ореолом и фанатами, голосовавшими за него в опросе, устроенном журналом «Музыкальная жизнь». Призом зрительских симпатий и стала эта беседа, где Константин Емельянов (КЕ) поделился с Евгенией Кривицкой (ЕК), доволен ли он результатами конкурса, что его интересует в профессии и в жизни.

ЕК Константин, скажите откровенно, как вы отнеслись к своей третьей премии? Были ли у вас амбиции взять первую, не осталось ли чувства разочарования?

КЕ Я не выстраивал мысленно ранжир или пьедестал, так как во время конкурса сознательно никого из участников не слушал, удалился из всех социальных сетей, закрыл мессенджеры, WhatsApp, не читал никакой прессы. Положа руку на сердце, скажу, что к моменту финала я думал, что войти в тройку лауреатов – это отличный результат, что спадет камень с души и получится приостановиться в конкурсном марафоне и сосредоточиться на концертной деятельности. И вот я вошел в тройку.

ЕК И вы довольны?

КЕ Да. Всегда внутри себя каждый думает, что можно было бы и повыше. Но можно было оказаться и ниже или вообще не пройти в финал. Я участвовал во многих конкурсах и никогда по своим ощущениям от выступления не понимал, как потом оценят. Кажется, что сыграл успешно, показал максимум возможностей, и вдруг никуда не проходишь; бывает наоборот – вроде не самое удачное исполнение, а выходишь в следующий тур. Так что конкурс – это конкурс, а концертная жизнь – нечто иное, действительно забег на длинную дистанцию, здесь важно уметь постоянно концентрироваться, но если однажды выступление не столь удачное, то на судьбу это не повлияет.

ЕК Я бы не согласилась: каждый концерт важен. Вдруг к вам пришел человек в первый раз, услышал неудачную игру и все – он вешает ярлык, что вы плохой музыкант, «дутая» фигура. И переубедить бывает сложно.

КЕ Вы правы, нужно стараться всегда быть на высоте, но все мы – люди.

ЕК Вас очень поддерживали на конкурсе ваши педагоги. Стало ли это дополнительным модусом взять такую вершину?

КЕ Поддержка педагогов очень важна. За меня болели не только в Москве, но и дома, мой первый учитель из Краснодара Тамара Павловна Криворотова.

ЕК Она приезжала в Москву?

КЕ Нет, смотрела выступления в трансляции. В Краснодаре была организована фан-зона, и мои школьные учителя собирались в Большом концертном зале Межшкольного эстетического центра и слушали трансляции. Конечно, я благодарен Ольге Евгеньевне Мечетиной, у которой я учился в Мерзляковском училище, и моему нынешнему педагогу в Московской консерватории Сергею Леонидовичу Доренскому. В таких тяжелых эмоциональных ситуациях, как конкурс, он лучше многих умеет настроить. Наверное, это секреты старых

мастеров, старой школы – он никогда не говорит, чтобы ты играл лучше всех, «умри, но сегодня»... Он просто напутствует: «Сыграй, как можешь, как умеешь», «играй хорошо, а не плохо».

ЕК Да, я знаю про его крылатую фразу, многие его ученики про нее упоминают.

КЕ Простые слова, но они работают. Он тебя не накручивает, не запугивает, не вводит в сомнение. А дальше уже твоя задача – справиться с нервами.

ЕК А ведь многие, напротив, пытаются разозлить ученика, ввести его таким образом в состояние куража.

КЕ Да, бывает и так. Каждому – свое. Я играл несколько раз в разозленном состоянии – мне это не добавляет уверенности. Играю просто по-другому, более агрессивно, что ли. Не могу сказать, что для меня это хороший рецепт.

ЕК Вы, наверное, ходили на уроки и к ассистентам Доренского?

КЕ Сейчас официальный ассистент – Николай Львович Луганский, он всех участников последнего Конкурса Чайковского из класса Сергея Леонидовича консультировал. И Павел Тигранович Нерсесьян послушал меня перед конкурсом. Мне очень помогло: хотя они представители одной школы, но со своими взглядами, с собственными артистическим и исполнительским амплуа. Это расширяет твою палитру, и в итоге ты себя чувствуешь свободнее.

ЕК Вы сами были довольны своим выступлением на третьем туре, вашим контактом с дирижером, оркестром? Мне показалось, что вы ощущали себя как раз не очень комфортно. Я не про человеческий контакт спрашиваю, а про взгляд на Первый концерт Чайковского.

КЕ Возможно... Я с большим уважением отношусь к Василию Петренко и Госоркестру имени Светланова. Это именитые музыканты, с прекрасными традициями исполнения, может быть, получилось, что пришел я, со своими взглядами и немножко не вписался. Но считаю, что в таких случаях нужно искать причину в себе – значит, я не смог достаточно убедить или в предложенных условиях игры выжать максимум в свою пользу.

ЕК А вам нравится музыка Чайковского, его Первый концерт? Вы же были вынуждены его учить, а если бы для души – стали бы играть?

КЕ Не могу сказать, что мечтал это сделать. Наверное, я понимал, что нужно держать эту музыку в репертуаре – такая популярная классика, которую все хотят слышать, как и Второй концерт Рахманинова. И старался отодвинуть момент, когда придется приступить к разучиванию. Ведь столько интересных, выдающихся интерпретаций, что задумываешься, получится ли «сказать» что-то свое. Но эти мысли отступают, как только ты уже непосредственно соприкасаешься с партитурой – музыка сверхгениальная, она поглощает.

ЕК А вы «придумываете» какое-то содержание, сюжет, когда играете? Как возникает эмоциональный контакт с музыкой? ▶

КЕ По-разному. Где стараюсь представлять некие образы, но где-то это не нужно.

ЕК А в Первом концерте Чайковского?

КЕ Могу сказать, что сочинение настолько самодостаточно без словесного выражения, что выстраивать, к примеру, жанрово-бытовые образы или что-то подобное не требуется. Иногда это само рождается, но специально я ничего не придумываю. Чайковский для всех русских понятен без слов, ты его интуитивно понимаешь изнутри, и перевод на вербальный уровень не нужен.

ЕК Сейчас у вас много концертов – как вы выстраиваете программы? Приходится играть одно и то же, в основном из конкурсных сочинений, или получается учить новые вещи?

КЕ Стараюсь комбинировать. Время с Конкурса Чайковского прошло мало, а график выступлений стал сразу насыщенным. Пробую обновлять по частям: к старым пьесам понемножку добавлять свежие названия – так многие поступают. И есть запланированные концерты на конец сезона, на следующий год, где стоят сочинения, которые мне придется выучить. Из ближайшего – Первый концерт Шопена в программе с МГАСО под управлением Павла Когана.

ЕК Это ваш выбор?

КЕ Нет, меня попросили. Обратились ко мне еще во время конкурса, между вторым и третьим турами. А я давно думал о Шопене и с радостью согласился. Зимой в Пушкинском музее, в серии «Стайеры конкурса Чайковского» тоже буду играть произведения Баха и Бетховена, которых раньше не было в моем репертуаре.

ЕК Стайер – это кто?

КЕ Есть спринтеры – бегуны на короткие дистанции, а стайеры – на длинные. Мне тоже пришлось в интернете смотреть значение этого слова.

ЕК И кто же с вами «бежит»?

КЕ Алексей Мельников, Дима Шишкин и Аня Генюшене. А в прошедших сольных концертах в Малом зале Московской консерватории и в Мариинке появился новый для меня композитор Дебюсси.

ЕК Совсем новый?

КЕ Играл чуть-чуть, одну-две пьесы. Когда учился в училище, то меня больше привлекал Равель, а Дебюсси я избегал. Но вот сейчас почувствовал, что его мир мне близок. Мечтаю доучить и записать как цикл все 24 прелюдии.

ЕК Расскажите про вашу родину. Краснодар много значит для вас?

КЕ Конечно, ведь я большую часть жизни провел там, окончил школу. Уехал, когда мне было пятнадцать лет, чтобы поступить в Училище при Московской консерватории. Теперь, правда, мне нечасто удается возвращаться. Примерно раз в полгода.

СЕЙЧАС У МЕНЯ НЕ ХВАТАЕТ
ВРЕМЕНИ НА САМОГО СЕБЯ.
СТАРАЮСЬ НАХОДИТЬ НЕБОЛЬШИЕ
МОМЕНТЫ УЕДИНЕНИЯ И ТИШИНЫ
МЕЖДУ ГАСТРОЛЬНЫМИ
ПОЕЗДКАМИ. МНЕ ОНИ
НЕОБХОДИМЫ



ФОТО: © DIEUAN.PH

ЕК Это не мало, если учесть, что остальные поездки у вас связаны с Парижем, Лондоном и так далее.

КЕ Это только в этом году все пошло. Кстати, в Краснодаре мне предложили сыграть первый сольный концерт только в апреле: я выступил в Органном зале объединения «Премьера». И сейчас открывал сезон с Кубанским симфоническим оркестром и дирижером Денисом Ивенским. Родители, конечно, скучают, мама звонит, спрашивает, когда приеду. Но больше, чем на 3–4 дня это проблематично. Может быть, зимой получится. Возвращаюсь с удовольствием, люблю южный климат, потому что после Москвы это настоящий рай, в феврале трава уже может быть зеленой, и воздух + 18. И другой темп жизни – это не Москва, где все бегут, опаздывают, ты постоянно находишься в каком-то стрессе. Когда я приезжаю домой, то время замедляется, и для меня это небольшая передышка.

ЕК Да, я заметила, что вы сторонитесь шума, суеты, держитесь иногда в стороне в кулуарах во время концерта. Вас столичный ритм утомляет?

КЕ Знаю, что это часть моей профессии, избежать общения невозможно. Но сказать, что мне это необходимо, я не могу. По натуре я интроверт, мне проще в обществе хорошо знакомых людей. Поскольку часто приходится встречаться с новыми людьми, музыкантами и не только, то иногда, признаюсь, устаю. Но, мне кажется, я не один такой в профессии, есть достаточно много артистов, ощущающих подобный груз. Меня очень радует, что я не актер и не вокалист, и на сцене мне не нужно напрямую общаться с залом посредством собственного голоса. Существует «проводник» на сцене – рояль.

ЕК Вы так считаете? Но артист на сцене не только извлекает звуки из инструмента, но все равно общается с залом через мимику, жест, даже момент выхода на сцену – как вы проходите этот путь из-за кулис к роялю, как кланяетесь, уже содержит энергетический посыл. Вы задумывались, как вы выглядите в эти минуты?

КЕ Наверное, каждый задумывается. Я старался учитывать советы моих педагогов.

ЕК То есть они с вами про это говорили?

КЕ Да, мы обсуждали. Но когда я нахожусь на сцене, я чувствую себя свободнее и комфортнее, так как я один на один с роялем. Для меня жизнь делится на то время, когда ты находишься на сцене, и вне концерта. Внутренне я себя ощущаю по-разному. После конкурса все стало намного проще в эмоциональном плане. Я знаю, что теперь в зале нет длинного стола с зеленым сукном, за которым сидят члены жюри и выставляют мне баллы.

ЕК А как вы живете? Утром встаете, и сразу к роялю, а потом на репетицию в зал или на концерт, или в аэропорт?

КЕ Получается, примерно так.

ЕК Вас не тяготит необходимость действовать строго по расписанию?

КЕ Хорошо, если ты во время переездов вообще успеваешь позаниматься. Приходится иногда повторять ноты «на коленках».

ЕК Я не столько про концертный график, а вообще: для вас жизнь – только музыка?

КЕ Наверное, нет, но я в начале этого пути, у меня насыщенный концертный график – до этого так не было.

ЕК Новая страница в вашей биографии? Вы получаете удовольствие?

КЕ Да, но не всегда. Бывают разные ситуации. Иногда приезжаешь – есть день для репетиции, тебе нравится акустика, зал, инструмент, тебя принимают хорошо. А иногда все идет с неприятствиями, и остается определенный осадок. Но я понимаю, что мне нужно нарабатывать «часы налета», учиться распоряжаться своим временем. В начале сентября все шло одно за другим, частые переезды в разные города, и я находился в состоянии «турбулентности»: как же я смогу – сегодня играть одно, завтра – совсем другое, не имея времени на самостоятельные занятия. Постепенно становится легче, учишься справляться, понимаешь механизм, как это работает.

ЕК Рахманинов говорил: день не позанимаешься – сам заметишь, два – критика, три – публика...

КЕ Безусловно, он прав. Но речь идет вообще об игре на инструменте – если я в этот день хотя бы выступил, но с другим сочинением, я – в форме. А вот если абсолютно без инструмента, тогда плохо. Стараюсь, чтобы пропусков больше одного дня не было.

ЕК А как вы держите большие объемы нотного текста в голове, тем более, если нет возможности механически, пальцами повторить?

КЕ У меня нет фотографической памяти, я как бы проигрываю произведение мысленно от начала до конца, в среднем темпе, чтобы следить за всеми голосами фактуры. Представляю и клавиатуру, и текст, выстраиваю четкие схемы – гармонические, тонального плана, отмечаю для себя, где какие имитации, модуляции. Случается, что происходит выпадение какого-то места из памяти, тогда срочно открываю ноты, глазами проверяю. В атональной музыке все сложнее, там иногда приходится каждую конкретную ноту запоминать.

РЕАКЦИЯ ЗАЛА, ЧТО БЫ МЫ НИ ГОВОРИЛИ, ВЛИЯЕТ НА ОЩУЩЕНИЕ, НА САМООЦЕНКУ. ЦВЕТЫ, АПЛОДИСМЕНТЫ — ВСЕ ВАЖНО, И ОСОБЕННО ПРИЯТНО, ЕСЛИ ПОЗДРАВЛЯЮТ ЛЮДИ, ВПЕРВЫЕ ПОПАВШИЕ НА КОНЦЕРТ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ, И ГОВОРЯТ О СВОЕМ ЖЕЛАНИИ ПРИХОДИТЬ ЕЩЕ. МЕНЯ ЭТО БОЛЬШЕ ВСЕГО РАДУЕТ



ФОТО: LEONARDO D'AMICO

ЕК Некоторые артисты говорят, что их выступление на публике подзаряжает, они после этого деятельны и энергичны, могут пойти еще на следующую репетицию. А вы каким выходите?

КЕ Есть концерты, после которых ты действительно не чувствуешь усталости, получив заряд положительных эмоций.

ЕК А публика в этом процессе участвует?

КЕ Конечно. Реакция зала, что бы мы ни говорили, влияет на ощущение, на самооценку. Цветы, аплодисменты — все важно, и особенно приятно, если поздравляют люди, впервые попавшие на концерт классической музыки, и говорят о своем желании приходить еще. Меня это больше всего радует. Но если много выступлений подряд, то уже к последнему выдыхаешься, и нужен сон, чтобы хорошенько восстановиться.

ЕК Слышала такую фразу: «Я отработал концерт».

КЕ Это самое страшное, что может случиться. Боюсь «схалтуриться». Чтобы этого не произошло, надо, мне кажется, хорошо знать свои эмоциональные и физические возможности и не соглашаться на «лишние» предложения. Быть честным по отношению к себе, к композиторам, к публике.

Двести концертов в год я бы не взялся играть. Да мне это и не нужно.

ЕК Мы все время обсуждаем занятия, репетиции, а есть ли у вас личная жизнь?

КЕ Есть круг близких мне людей, которые всегда поддерживали и верили в меня. Но сейчас у меня не хватает времени на самого себя. Стараюсь находить небольшие моменты уединения и тишины между гастрольными поездками. Мне они необходимы. Многие обижаются, но в итоге относятся с пониманием. Постепенно привыкаешь к такому ритму жизни, поэтому не исключаю, что скоро все изменится.

ЕК А вопросы метафизические, астрологические интересуют?

КЕ Не читаю гороскопов, но есть внутреннее ощущение, что все происходит, как надо и в свое время. Я никогда не был вундеркиндом, все складывалось ступень за ступенью. Переезд в Москву, училище, потом консерватория, конкурсы — вначале маленькие, потом сложнее. В какой-то момент ощутил, что таков мой путь — без резких взлетов, постепенное движение вперед, что надо проявить терпение, дальше работать, и все сложится. Я понял, что перед человеком открываются возможности, когда он готов их принять.